

Карлос Дюфур

О «ХРИСТИАНСТВЕ И НАЦИИ» ДОКТОРА КЛЕМЕНСА

Don't fancy that you have somehow softened the saying of a thing by having just promised not to say it.

Не думайте, что вы смогли бы как-то смягчить высказывание о чем-то, просто пообещав не говорить это.

Г. К. Честертон

Неделю назад доктор Клеменс опубликовывал краткую, сжатую статью о серьезной теме, которую можно прочитать здесь в «Эхо Германии»:

<http://deutschlandecho.org/index.php/2012/04/18/kommentar-christentum-und-nation-grundgedanken/>

Клеменс осознанно представляет свой труд как эскиз и исходную точку для «собственных размышлений». Я здесь охотно последую этому вызову. При этом я прошу читателя учесть, что в восьми абзацах его текста так много заглавных слов и утверждения выстроены настолько сложно, что при анализе придется отказаться от многого. Как окажется, тезисы Клеменса преимущественно запутаны, бессмысленны или просто ошибочны – однако, они могут нам помочь прояснить некоторые основные мысли.

Христианство: Мифология, учение, учреждение

Сначала нужно определиться, о чем мы здесь говорим. Христианство, как оно проявляется исторически с самого начала, является тотальностью с минимум тремя существенными составными частями: мифология, учение и учреждение. Мифологию нужно принимать к сердцу, учение принимать и учреждению повиноваться.

Одна часть здесь называется существенной, если Всё не может действовать без нее. Существенные части сцепляются друг с другом как шестерни. Без церкви нельзя знать, какие тексты считаются откровением; без учения остается слишком темным, о чем эти тексты свидетельствуют; без мифологии нет святого учения. В течение времени возникают изменения и приспособления, но ядро этих составных частей всегда остается одинаковым.

Так, «пасхальное ощущение» может иметь, пожалуй, религиозное значение для отдельного лица, но одно оно – не христианство. И так как три составных части существуют объективно, от христианской религии нельзя отмахнуться как от чисто личного дела отдельного человека, даже если установки на христианство – как все установки – доступны только в частном порядке.

Конечно, может случиться, что эта христианская тотальность покажется нам слишком абсурдной, слишком несогласующейся, слишком отвратительной. Введение к этим результатам можно прочесть здесь:

http://www.thule-seminar.org/dufour_aufhebung.htm.

Возрастающее знание с Эпохи Просвещения – это тоже факт: Националисты, которые хотят одновременно быть современными и оставаться христианами, сталкиваются тут с дилеммой. Ницше провозглашал:

«Наше время – время знаний ... То, что когда-то было только больным, сегодня становится неприличным – неприлично быть сегодня христианином. И здесь начинается мое отвращение». (АС, параграф 38)

Как бы то ни было, христианский публицист редко станет представлять свою религию в качестве тотальности, например, в стиле Тридентского собора. Поэтому он предлагает свое дело сначала небольшими частями, в гомеопатических дозах. К сожалению, это приводит, как в случае с бывшим алкоголиком, который позволяет себе выпить маленький глоток, к особым случаям. Существенные части религии обладают тенденцией дополнять себя, даже если начинаются с крохотного кусочка. Если ты дашь христианству мизинец, оно сразу же захочет всю руку.

Сконцентрированное начало

В первом абзаце Клеменса сразу проявляются четыре важных утверждения:

«Последние убеждения к этому комплексу не могут передаваться как знания. В воскрешение Иисуса Христа либо верят, либо нет. Немецкое государство, существующая Европа и вся западноевропейская культура построены на христианской вере. Тот, кто ставит ее под сомнение, вместе с тем ставит под сомнение и Германию в ее уже двухтысячелетней традиции».

Но речь здесь идет не о том, чтобы верить или не верить, а о том, чтобы знать или не знать. То, что один человек безосновательно утверждает, другой может безосновательно отвергать. Какой толк нам от убеждения, которое

нельзя обосновать ни прямо, ни косвенно? И почему вообще кто-то должен захотеть передавать такой мыслительный эпизод?

В воскрешение либо верят, либо нет – правильно, это теологический особый случай закона Tertium non Datur (третьего не дано): «А» или «не А». Логически верно, но при этом бессодержательно. Я ничего не знаю о погоде, если я знаю только, идет ли дождь или нет.

Однако, у метеорологического Tertium non Datur есть преимущество перед теологическим: компоненты предложения с «или» в такой фразе как «идет дождь», сами обладают ясным смыслом. Но что подразумевает Клеменс под верой в воскрешение Иисуса? Честно говоря, я не могу узнать, что он думает – по нескольким причинам. Первое христианское поколение понимало воскрешение (возрождение) чисто символически. Так, у апостола Павла прообраз воскрешения происходит не в материальном смысле. Он использует для воскресшего тела фразу *sô:ma pneumatikón* – и Мартин Лютер, основательно и добросовестно, переводит это как «духовное тело». Духовное тело? Его наследники ощутили, что немецкий перевод Лютера звучит как «деревянное железо» и сильно видоизменили. Только после Павла возникло давление, направленное на буквальную интерпретацию этого события.

Как говорилось, у каждой частицы религиозной веры есть склонность к самодополнению; вера подразумевает также и иное религиозное содержание, будь оно желанно или нет. Если Иисус воскрес, то он должен был также действительно родиться и действительно умереть. Как раз в таком случае он должен теперь находиться в пространстве. Где? Так как он отсутствует и не принимает гостей, нужно разместить его пребывание как можно дальше, поэтому появляется вознесение как неминуемое последствие – пусть даже только один из четырех евангелистов, Лука, об этом сообщает. Появляется ли Иисус на небе в астрономическом смысле, так что спутник, в принципе, мог бы сфотографировать его? Вопрос становится неудобным. Но: если бы это понималось только символически, то и воскрешение тоже должно было быть только символическим.

И почему воскрешение так значительно? Потому что христианское учение – это учение спасения, избавления. Иисус умирал за наши грехи. Да, каждый юрист запротестовал бы и оспорил бы здесь смешивание уголовного права и гражданского права: если Брейвик виновен, он не станет невиновным, если кто-то возьмет его наказание на себя. Если человек действительно виновен, жертвенная смерть не может освободить его от вины. Или это снова было задумано только аллегорически? Тогда теология срочно должна идти сюда на помощь, или же должен последовать запрет со стороны учреждения думать об этом. Здесь снова миф, учение, учреждение: Итак, у христианства есть

вышеназванные составные части. Если Клеменс это преуменьшает, то он играет с фальшивыми картами. Порядочные в такой игре не участвуют. Тот, кто крайне серьезен в мышлении, может наплевать на серьезную радикальность.

Европа: Сооружение на фундаменте христианства

Христианские апологеты охотно утверждают, что христианство создало Европу, но сначала оказывается тяжело выжать из этого факта нормативную силу. Насильник детей может сильно повлиять на биографию своей жертвы – однако, он не может ожидать, что ребенок позже будет уважать его. Послевоенный порядок строился, вероятно, на изгнании немцев из Восточной Европы – но только этого одного не достаточно, чтобы узаконить такой порядок.

Построены ли немецкое государство и европейская культура, с другой стороны, действительно на христианской вере? Реальность сего сооружения стоит на шатких ногах. Молодой Гегель писал:

«Христианство опустошило Валгаллу, срубило святые рощи, и искоренило фантазию народа как позорное суеверие, как дьявольский яд. И взамен этого дало нам фантазию народа, климат которого, законодательство которого, культура которого, интересы которого нам совсем чужды, история которого с нами совершенно никак не связана».

Так ли выглядит такое сооружение? Древний Рим античности, как рабовладельческое государство, был безнадежно переполнен чужаками. Христианство – это та религия без корней, предпосылкой которой был хаос народов, и оно само строилось на чужих религиозных представлениях (культ Изиды, Тримурти, почитание Митры). Оно расцветало в прошедшие, бурные времена – времена, как говорит Гёте, «аристократической анархии». Едва возникли нации и образовались государства, как христианство усмирили и нейтрализовали: никакое государство не может передавать свою легитимность другим учреждениям, кроме самого себя.

Даже если «идея о создании» и была правильна, в Европе получилось свое собственное, естественное и противоположное движение: упразднение христианства как тотальности. Это противоположное движение боролось с учением с помощью множества еретиков, с Эпохой Возрождения и научными открытиями; оно потрясло учреждения напряжением Гвельфов и Гибеллинов, реформации, англиканства и религиозных войн; в конце концов, философия и филология устранили всякую достоверность христианской мифологии. Почти все великие мыслители Европы нашли свое почетное место в Индексе

(списке запрещенных церковью произведений). То, что они делали, было духовной самообороной.

Если кто-то утверждает, что сооружение на фундаменте христианства было формообразующим или обязывающим для Европы, что он хочет сделать при бесспорном демонтаже? Я не вижу, как можно когерентно отрицать этот демонтаж. Это было бы все равно, что соглашаться с фактом, но оспаривать его законность: без «если» и «но» становиться целиком на сторону христианского фундаментализма, искоренить модерн и просвещение, снова ввести цензуру и инквизицию и праздновать ностальгию премодерна.

Так как Клеменс наверняка не хочет представлять это – я не знаю, что я должен об этом сказать! Хуже только то, что последует теперь.

Психологическое происхождение идеи сооружения

В первой части было представлено, из каких трех элементов состоит христианство. Они функционально неотъемлемы как ножки штатива, но с тенденцией дополнять себя. Далее объяснялось, почему воскрешение Иисуса не предлагает собой непоколебимую основу веры. Постоянно повторяемое утверждение о «сооружении Европы на фундаменте христианства» спорно с различных точек зрения; оно не обладает ни обязательной для себя силой, ни может быть приведено в соответствие с европейским упразднением христианства.

Но почему так настойчиво придерживаются этой идеи о сооружении? С детства индивидуум воспитывается в христианстве. Личные мысли о религии строятся на этой индоктринации. Теперь взрослые думают о своем детстве как о потерянном рае, и так как прошедшие через идеологическое воздействие люди поддерживают контакт с единомышленниками, постепенно из субъективного впечатления получается общее убеждение, которое, наконец, проектируется на Европу. И остаются при полюбившихся им убеждениях. Едва ли хоть один человек станет их пересматривать только потому, что ему предъявляют серьезные возражения. Он заткнет уши и останется при своих убеждениях. Но так как существуют еще и необычные люди, размышление может стать полезным.

Универсальное и вечное

Третий абзац Клеменса является решающим для анализа:

«Тем не менее, религия в настоящем смысле содержит веру в неземное, во включенность человека в универсальное и в вечность. С этим связано покорное признание неполноты человека, признание его малости, незнания и заблуждаемости, что христианство обобщает в понятии первородного греха. Познанием нельзя объяснить мир, а только маленькую часть, для которой оно определено».

В покорности самой по себе что-то есть, так как она – лучшая добродетель для того, у кого нет никакой другой. Но она легко может стать высокомерием, отвергающим знание этого мира как глупую гордость. Антипатия к науке всегда сопровождала христианский универсализм, и Клеменс продолжает эту традицию. Если нельзя объяснить мир познанием, то чем тогда? Можно ли было бы объяснить его незнанием? Или верой?

Часто христиане утверждают, что наука не может научным путем объяснить существование и конкретное бытие мира в целом. Богобоязненный мог бы легко объяснить мир без науки просто волей Бога: Бог захотел, чтобы мир существовал и существовал именно в этом определенном виде, и вследствие этого мир существует и существует именно таким.

Почему это решение должно оказаться неуспешным? Если, как думает христианин, этот мир – это случайность, тогда то же самое понимание случайности применимо и к акту воли Бога: акт его воли тоже был бы случайным. Еще точнее: то, что мир случаен, означает, что его могло бы и не быть – или он тоже мог бы быть совсем другим. То, что акт воли Бога случаен, значит: этого акта могло бы не быть (например, Бог вообще ничего не сотворяет) или же быть другого рода (Бог находит другой мир более привлекательным, чем этот). Если мир случаен, то воля создателя тоже случайна. Вместо того, чтобы объяснить случайность, мы увеличили бы ее. Или нам следует ввести Супербога, чтобы объяснить новые случайности? Эти антропоморфизмы совсем ничего не объясняют. Наука, в противоположность вере, может что-то объяснить; она даже может доказать, что она неполна.

Что значит утверждение Клеменса, что человек включен в универсальное и в вечность? Одной из интерпретаций было бы, что человек несет универсальные качества (быть физическим, органическим и т.д.), и что в будущем всегда будет правдивым, что человек однажды существовал. Однако это слишком отвлеченно, тем более что то же самое можно сказать и о яблоках с грушами. Это не может быть смыслом. Вероятно, Клеменс имеет в виду учение о

потустороннем мире и моральном универсализме. Тут проявляется еще раз, как частицы христианства склоняются к самодополнению. Если, следовательно, существует надмирная, потусторонняя реальность, то она – действительность и как таковая она должна мочь воздействовать. Итак, мы должны представлять себе потусторонний мир со всеми его атрибутами: раем и адом, ангелами и демонами, чудесами и стигмами. Это постоянное вето против научного объяснения. Если с этим потусторонним миром дойти до серьезного конфликта, нужно рассчитывать на систематический оппортунизм: если нет никаких возражений, то христианин говорил буквально, в противном случае, его утверждение было задумано как аллегория.

Политический перевод

Национализм и универсализм неизбежно резко противостоят друг другу. Это видно по уважению к герою. Много образов предстают в Новом завете: святой, мученик, грешник, бедняк, больной – но отсутствует герой. Ницше пишет, возражая Ренану: «Если есть что-то неевангелическое, то это понятие героя (...) Неспособность к сопротивлению становится здесь моралью». (АС, параграф 29). Ислам развил, иногда очень поэтически, мужское понятие джихада, в то время как христиане описывали себе как набожные, миролюбивые, как ягнята, пацифисты. Вероятно, христианин возразит, что это обусловлено временем, чтобы зря не сердить римлян, которые как раз тогда, в 70 году н.э., разрушили Иерусалимский храм – и было бы самоубийством спровоцировать Рим еще раз. Это возможно, но так христианство показывает себя как общечеловеческое дело. То ссылаются на потусторонний мир, то из политического оппортунизма хлопочут о мире земном.

Нации – это исторические индивидуумы. Гёте принадлежит изречение о живой индивидуальности как «внутри безграничной, внешне ограниченной». Х.С.Чемберлен постулировал эту идею как основной закон всей духовной жизни, все равно, касался ли он отличия одного индивидуума, или жизни народа. Только внешнее ограничение делает свободу возможной:

«Если же, напротив, стремиться к внешней неограниченности, то граница должна будет быть протянута внутри. Это последнее – это также формула новой римской церковной империи: внутри ограниченный, внешне безграничный. Пожертвуй мне твою человеческую личность, и я подарю тебе участие в божественности; жертвуй мне твою свободу, и я создам империю, которая охватывает всю землю, и в которой вечно господствуют порядок и мир; жертвуй мне твою способность делать выводы, и я открою тебе абсолютную правду; жертвуй мне время, и я подарю тебе вечность». (Основы, [663])

Эти строки заслуживают, чтобы их прочли дважды. Толкование Чемберлена дает нам важный знак. Внешнее ограничение представляет собой другую сторону внутренней свободы. Биолог Ричард Докинз поставил недавно (2009) вопрос, как выглядел бы мир без островов всякого рода. Там не было бы эволюции, барьеров между вариациями, так как всякое изменение ликвидировалось бы из-за легкого смешивания. То, чем эти «острова» являются для биологии, то же самое нации означают для истории. Тот, кто не осознает этого измерения национализма, может, вероятно, чувствовать любовь к родине, патриотизм, или что угодно еще, – но это не мировоззрение.

Подавление Рейха как Божье наказание

Седьмой абзац Клеменса включает в себя то, так как он относится к закату Германии:

«Вероятно, в этом тоже лежит более высокая форма справедливости (в «Вечерней синеве» я называю это исторической справедливостью). Так как я в слишком малой степени знаток теологии, я не решусь говорить о Божьей каре. В остальном можно было бы вполне последовательно сказать: Так как немецкий народ отвернулся от Бога, он пал».

Здесь мы встречаем трюк, который риторика называет паралипсисом. В то время как говорящий уверяет, что не хочет утверждать что-то, он как раз именно это и утверждает. Вроде того: «Так как я почти не знаю господина Х., то я не рискну утверждать, что он полный идиот». Ну, он не рискует, и, тем не менее, утверждает; высказывание Честертона в эпитафии – как раз об этом.

Робко по тону, ясно по смыслу Клеменс выдает нам подлинную причину крушения. Собственно, каждый национально-мыслящий немец считает угрожающее крушение Германии следствием поражения Рейха и последующего правления чужаков. Но, согласно Клеменсу, это вовсе не так – это было справедливым Божьим наказанием!

Как кто-то может защититься от Божьей кары? Не должен ли верующий с покорностью смириться со справедливым наказанием? И не достаточно ли было Господу Богу послать в ад одних злых индивидуумов? Должен ли он непременно искоренить весь народ? Сталин и Советский Союз были вознаграждены победой – неужели они были более благочестивыми? Требуется ли садистскому Богу мазохистский верующий? Вопросы за вопросами.

Христианство представляется сначала как частное мнение, и раньше или позже кончается изменой и разрушением. Человек думает, что является гос-

подином своих идей, и однажды он теряет контроль над ними. Ницше ставил в вину христианству, что то вводит явно воображаемые причины (божья кара) и воображаемые действия, до тех пор пока не возникнет мир фикции. Интерпретация Клеменсом немецкого крушения лишней раз свидетельствует о христианском стремлении к фикционализму.

Уже нет и еще нет

Алоиз Миттерер писал:

«Как раз сейчас с христианством больше не стоит бороться. Даже хуже! Оно само стало незначительным, маловажным для жизненно важных вопросов народа и даже отдельного человека. Так как за это время стало ясно, что оно как церковь, а также как учение в сегодняшней ситуации больше не хочет помогать нашему народу, да и не может уже помогать». (ViB, 1/2012).

В другие времена некоторые силы положительно воздействовали на христианство и смогли ограничивать его опасность. Индоевропейские мифы и языческие символы однажды придавали христианству достойную глубину, политические факты умирляли его анархические инстинкты. Сегодня эти следы лишь с трудом узнаваемы, как забытые палимпсесты. Вероятно, некоторые националисты сегодня обращаются к тому христианству; но они не замечают, что эти преимущества вытекали не из сущности христианства, а из европейского субстрата.

Так как эти силы прекратили действовать, христианство сейчас предоставлено себе самому, поверхностное, абсурдное, вредное. Нет, это не Божья кара, а эпохальная ирония, что как раз христианство, которое когда-то снисходительно предлагало спасение людям, должно, в конце концов, быть спасено людьми.

Мы живем в переходе к пост-христианскому времени, в сумерках между «Уже нет» и «Еще нет». Время еще не пришло. Посреди руин сгущается ночь. Одни жалуются, другие стоят на посту.

Источник: [Altermedia](#), перевод с немецкого, май 2012 г.

[Велесова Слобода, 2012](#)